

*Своей могучей красотой восторг и страх внушали;
И золото и блеск камней и перлов драгоценных,
Богато и роскошно в них горевших и сверкавших,
Столь стройно и умело там в порядке размещенных,
А не случайно как-нибудь, на удивление были. (Там же. С. 389—390)*

Это описание почти не несет документальной информации, но обладает сильным эмоционально-эстетическим воздействием на читателя, особенно из народной среды, на которого и были рассчитаны романы.

Ближе к традициям эллинистической эстетики стоят экфрасисы Иоанна Евгеника (первая половина XV в.). В его описаниях сооружений родного города (Трапезунда) и реальных или фантастических картин ощущается сильное влияние знаменитых Филостратов, эллинистических авторов известных описаний картин и скульптур¹⁷.

В русле предшествующей традиции находились и представления гуманистов о *красоте*. При этом им был близок и понятен весь спектр значений этого эстетического термина. Начав систематические занятия по изучению законов видимого мира, гуманисты с особым пристрастием всматривались в него. Сердца и души их были открыты материальному миру, и его красота воспринималась ими с необычайным восторгом и энтузиазмом. Феодор Метохит вдохновенно писал о наслаждении, доставляемом человеку с облагороженными чувствами созерцанием красот звездного неба, моря, всего тварного мира. По его мнению, они поддаются описанию только в поэтических образах. Именно в такой эстетизированной форме он и пытается передать свои впечатления от созерцания природной красоты.

«Вот ведь и вид моря,— пишет он,— вполне приятен, когда оно спокойно плещется и, откатываясь назад, разбивается о берега и мирно и неколебимо, бесшумно покоится, пока вдруг, страшно-гремящее, по словам поэтов, и ужасно бушующее, не обрушится со страшным грохотом, заставляя отводить глаза от страха и оставаясь совершенно неприступным и неукротимым, и не захлестывает всей картины мирной благодати; затем опять становится миролюбивым, почти неподвижное и нехитро оплетающее берега едва слышным плеском воды, будто цепляясь за них с каким-то мягким шуршанием, тихо ударяя в песок и играя и временами то накатываясь, то снова откатываясь с какими-то любовными ласками, как бы доставляющими ему большое удовольствие, и принося всем этим великое наслаждение и сильнейшее желание для глаз смотреть» (*Theod. Metoch. Misc. P. 268—269*). В этом пространном описании различных состояний моря нашли полное выражение широкие эстетические интересы Метохита, его способность к глубокому эстетическому созерцанию природных явлений, а также стремление зафиксировать их в эстетизированной словесной форме. Представленная здесь цитата (характерная, кстати, для его книжной речи) — образец того предельно украшенного и перегруженного словесными узорами стиля, который несколько позже получит распространение в южнославянском мире и на Руси под названием «плетения словес». С его помощью Метохит стремится донести до читателей чувство, охватывающее всякого созерцателя природных красот,— неопишное наслаждение.

Метохит в специальной главке пишет о наслаждениях, получаемых от созерцания неба и небесных светил. Только человек обладает способностью смотреть вверх, где ему открываются необычайные красоты небесных явлений. Приобщаясь через созерцание к тому, «что на небесах, он получает огромное удовольствие от действия этого чувства. И вот мы все с вождением и наслаждением взираем на небесные миры, хороводы звезд и сияющие оттуда красоты... получая отдохновение и усладу благодаря зрению» (*Ibid. P. 267*).

Душа человека, убежден Метохит, по своей природе склонна к созерцанию через посредство всех своих чувственных органов, и особенно с помощью наиболее совершенного из них — зрения. Практически весь тварный мир, становясь предметом созерцания, доставляет человеку эстетическое наслаждение. Метохит пытается даже как-то осмыслить психологический механизм этого процесса. Он подмечает, что, созерцая какое-либо явление, взгляд проходит «через все созерцаемые предметы и как бы короткое время находится в каждом из них», оставаясь «при этом шествии через красоты» неизменным и принося душе «некое отдохнове-

¹⁷ См.: *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453)*. München, 1897. S. 495—496.